

Цифровая евгеника под маской нейтральных данных

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: CHAN A.S. (2025). *PREDATORY DATA: EUGENICS IN BIG TECH AND OUR FIGHT FOR AN INDEPENDENT FUTURE*, OAKLAND: UNIVERSITY OF CALIFORNIA PRESS. — 262 p. ISBN 978-0520402843

Дмитрий Беляев

Доктор философских наук, профессор кафедры философии, политологии и теологии,
Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского

Адрес: ул. Ленина, д. 42, г. Липецк, 398020 Российская Федерация

E-mail: dm.a.belyaev@gmail.com

Монография «Хищнические данные: евгеника в крупных технологических компаниях и наша борьба за независимое будущее» (*Predatory Data: Eugenics in Big Tech and Our Fight for an Independent Future*) представляет собой смелое и глубокое исследование того, как современные практики сбора и использования данных перекликаются с идеями евгеники. Автор книги Анита Сэй Чан, профессор информационных наук и медиаисследований Университета Иллинойса (США), уже известна специалистам по социологии науки и технологий своей предыдущей работой о «периферийных» технологических сетях¹. В новой монографии Чан опирается на свой опыт исследований глобализации цифровых культур, феминистские и деколониальные подходы к технологиям и демонстрирует широкий междисциплинарный кругозор. Ее научная биография отражает интерес к тому, как знания и инновации циркулируют вне «евроатлантических центров» (например, в Латинской Америке) и каким образом можно выработать справедливые альтернативы господствующим технокультурным парадигмам. Эти интересы нашли отражение и в рассматриваемой книге: Чан соединяет критические *data studies* с историческим анализом, чтобы показать преемственность между евгеническим движением рубежа XIX–XX веков и современными цифровыми режимами обработки данных.

Такое проблемное поле весьма актуально для социологического дискурса. В эпоху «больших данных» многие технологические корпорации провозглашают свою деятельность научно нейтральной и нацеленной лишь на эффективность, однако исследователи все чаще отмечают, что алгоритмы и базы данных могут воспроизводить и усиливать социальные неравенства². Монография Чан вносит заметный вклад в эти дебаты, показывая, что корни цифровой дискриминации

---

1. Chan A.S. (2014). *Networking Peripheries: Technological Futures and the Myth of Digital Universalism*. The MIT Press.

2. Гуторов В.А. (2021). Биовласть и политическое: актуальные аспекты современных дискуссий // *Власть и элиты*. Т. 8. № 2. С. 189–201.

и предвзятой алгоритмической политики уходят в историю научного расизма и биополитики начала XX века. Книга обращена к специалистам по социологии науки, цифровой социологии и критической теории данных, предлагая им историческую перспективу на проблему, которая обычно считается новейшей, — предвзятость современных систем больших данных.

Следует подчеркнуть, что Чан избрала достаточно сложную, но эвристически продуктивную методологию. Она проводит историко-социологическое исследование, сочетая архивный анализ и концептуальную критику. Автор выстраивает глобальный сравнительный анализ: в книге прослеживаются кейсы из США (евгенические кампании и техноутопические проекты в Калифорнии и ведущих университетах), Европы, а также рассматриваются примеры из Латинской Америки. Теоретически работа опирается на подходы исследований науки и технологии (*science and technology studies* — STS) и феминистские эпистемологии. Чан сознательно следует принципам «ситуативного знания» и деколониальной оптики, что выражается даже в ее цитатной выборке — она включает в библиографию работы представителей миноритарных групп и «периферийных» исследователей, расширяя тем самым интеллектуальный горизонт анализа. Методология Чан — критическая генеалогия современных цифровых технологий. Автор прослеживает историческую преемственность идей, дискурсов и практик, выявляя связи между, казалось бы, разнородными явлениями — викторианской расовой антропологией и алгоритмами машинного обучения. Это дает читателю целостное понимание проблемы, а не фрагментарный взгляд на ее отдельные аспекты. Методологическая основа книги сочетает в себе историческую глубину, социологический анализ науки и технологий, визуально-семиотический разбор (в том числе анализ карт и графиков как инструментов знания) и ангажированность в духе критической теории.

Уже в первых главах монографии Чан демонстрирует, насколько тесно сплетены история евгеники и зарождение практик массового сбора данных. Автор напоминает, что один из родоначальников евгенического движения, Фрэнсис Гальтон, был одновременно пионером статистической науки, разработавшим методы корреляции и регрессии. Эта двойная роль Гальтона не случайна: статистические техники изначально применялись для «научного» обоснования социальных иерархий. В качестве красноречивого примера книга описывает эпизоды из истории США конца XIX века, связанные с антииммигрантской политикой. Так, после принятия Закона об исключении китайцев 1882 года американские власти составляли подробные регистры «неблагонадежных» этнических групп. Чан упоминает архивную бухгалтерскую книгу конца XIX века, где чиновники скрупулезно фиксировали имена, фотографии и особые приметы китайских жителей шахтерского городка Даунсвилл в Калифорнии, фактически создавая прообраз современной базы данных нежелательного населения (р. 127–128). Эта практика служила цели надзора и контроля: данные становились орудием биополитической регуляции, когда власть маркировала определенные группы как опасные или «дефективные». Автор подчеркивает, что еще в 1850-х годах в Сан-Франциско реализовывались

проекты картографирования районов компактного проживания китайцев с целью выявить «угрозы для физического, морального и генетического здоровья города» (р. 128). Такие факты позволяют Чан провести параллель между колониальными техниками учета населения и зарождавшимся евгеническим дискурсом: сбор данных о «чужаках» преподносился как научно обоснованная мера охраны общества, хотя, по сути, обслуживал ксенофобскую повестку.

Развивая историческую линию, Чан показывает роль академических институтов в легитимации евгенических идей. В книге прослежена эволюция евгеники как уважаемой научной дисциплины в начале XX века на примерах Гарварда, Северо-Западного университета, Беркли и других центров. Евгеника того периода превратилась в авторитетное направление исследований, влиявшее на политику. Достаточно вспомнить, что на основании евгенических доктрин вводились иммиграционные квоты и программы принудительной стерилизации «дегенеративных» элементов общества. Чан уделяет особое внимание псевдонаучному конструированию образа «расовой гигиены» через язык данных и визуализации. Например, популярная книга Мэдисона Гранта «Конец великой расы, или Расовая основа европейской истории» (1916) приводила обширные статистические таблицы и цветные карты распределения этносов, внушая читателю страх перед «вымиранием белой расы» (р. 130). Эти визуальные данные сыграли свою роль: как отмечает автор, карты Гранта даже использовались в Конгрессе США для обоснования ужесточения иммиграционного законодательства, а издательство Scribner хвалилось успехом книги, невзирая на ее откровенно расистский характер. Тем самым визуальная семиотика науки оказалась встроена в политический проект исключения, подтверждая мысль о том, что изображение и статистика могут быть риторическими инструментами власти.

Особый акцент Чан делает на истории измерения интеллекта и управленческих решений, вытекающих из этих измерений. В начале XX века получили распространение тесты IQ и другие методики «научного» выявления умственной полноценности. Автор напоминает печально известный эксперимент психолога Г.Х. Годдарда на острове Эллис в 1913 году, когда массовое тестирование иммигрантов (с вопросами, смысл которых был заведомо непонятен иностранцам) дало повод объявить 80% вновь прибывших «умственно неполноценными» и существенно увеличить депортации (р. 84). Чан тонко подмечает, что риторика политической нейтральности меритократии прикрывала откровенно дискриминационные практики: интеллект объявлялся врожденным и неизменным, а потому социальные неравенства представлялись естественными и даже желательными. Евгенисты продвигали идею, что госпрограммы образования или поддержки не имеют смысла, т.к. низкий результат теста якобы доказывал биологическую неполноценность индивида. Эта логика, к сожалению, находит отклики и в цифровую эпоху. Современные системы «алгоритмической предвзятости» часто столь же незаметно закрепляют

статус-кво, определяя «ценность» человека на основе данных о прошлом опыте групп, к которым он принадлежит⁴. Чан прямо проводит связь: как сто лет назад показатели IQ служили инструментом исключения иммигрантов и меньшинств, так и теперь метрики больших данных используются для «фильтрации» желательных и нежелательных. Например, благотворительные организации под влиянием венчурной филантропии собирают детальные данные, чтобы отобрать «достойных» получателей помощи, отсеивая остальных (р. 86). Подобно тому как Годдард гордо рапортовал об очистке нации от «дефективных», современные корпорации и фонды нередко говорят языком эффективности, за которым скрывается цифровая сегрегация по социально-экономическим признакам⁵.

Первые три главы книги образуют хронологически и концептуально связанный рассказ о том, как евгеническое мышление вплелось в ткань современных технологий. Переходя от истории к современности, Чан детально анализирует идеологию Кремниевой долины сквозь призму понятий, восходящих к евгенике. Так, автор вводит термин «техноевгеника», характеризуя им одержимость части IT-элиты идеей «улучшения» человеческого потенциала средствами технологии. За примерами далеко ходить не нужно: крупнейшие технолидеры открыто проявляют презрение к «слабым» и культивируют образ избранной когнитивной элиты. В книге отмечено, что миллиардер П. Тиль не раз ставил под сомнение ценность массового высшего образования, а Илон Маск публично поддерживал антиутопические теории «замещения» и распространял в 2023 году конспирологические мемы о «геноциде белых» (р. 192). Чан убежденно показывает, что эти высказывания — не просто эксцентрика отдельных фигур, а симптом более глубокой идеологии. Технокапиталистическая элита пропагандирует себя как носителей высшего интеллекта, который якобы дает им моральное право формировать будущее человечества по своему образу и подобию. Подобная риторика отсылает прямо к евгеническим представлениям о «когнитивной аристократии», которую нужно оберегать от деградации масс в социальных сетях. В книге цитируется программное заявление одного из идеологов Кремниевой долины о том, что технологии — это «безусловный двигатель прогресса», а любые попытки регулирования обернутся катастрофой (р. 194). Это утверждение, по сути, повторяет максимум социальных дарвинистов начала XX века о том, что сильнейшие должны беспрепятственно доминировать во имя общего блага. Таким образом, современная цифровая политика, по Чан, во многом укоренена в евгенических представлениях о том, кто достоин определять траекторию будущего. Такой вывод о Big Tech перекликается с оценками других исследователей цифровой сферы⁶. Образно говоря, Чан срывает ореол прогрессивности с современных техномагнатов, показывая, что под ним

---

4. Benjamin R. (2019). *Race After Technology: Abolitionist Tools for the New Jim Code*. Cambridge: Polity.

5. Noble S.U. (2018). *Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism*. New York: New York University Press.

6. van Toorn G., Soldatic K. (2024). Disablism, racism and the spectre of eugenics in digital welfare // *Journal of Sociology*. Vol. 60. № 3. P. 523–539.

скрывается давно отвергнутая наукой евгеническая доктрина, переживающая тревожное возрождение.

Интеллектуальная смелость автора проявляется не только в критике, но и в попытке наметить альтернативные пути развития цифрового будущего. После детального разбора «хищнических данных», т.е. «систематического злоупотребления сбором данных для упрочения власти» (р. 10), исследователь переходит к поиску позитивных примеров и традиций, противостоящих техноевгенике. Главы 4–6 посвящены историческим и современным инициативам «снизу», демонстрирующим иной подход к сбору и использованию данных. Чан совершает исторический экскурс в практики социальной науки рубежа XIX–XX веков, которые противостояли господствующим евгеническим тенденциям. В частности, особое место отведено деятельности легендарного поселения Халл-Хаус в Чикаго. В 1890-е годы Джейн Аддамс и ее коллеги-филантропы, среди которых были женщины-ученые и иммигрантки, проводили там исследования условий жизни беднейших слоев населения. Результатом их коллективной работы стал сборник «Карты и документы Халл-Хауса» (1895), где статистические карты соседствовали с глубоким анализом социальных причин нищеты. Чан рассматривает эту работу как начало альтернативной, гуманистической социологии данных (р. 138). В отличие от евгенистов, авторы Халл-Хауса использовали данные не для стигматизации «неполноценных», а для обоснования социальных реформ — например, улучшения труда, жилья, образования для мигрантов. В рецензируемой монографии отмечено, что в Халл-Хаусе были заложены основы социального обследования как метода, ориентированного на эмпатию и изменения, а не на контроль (р. 139). При этом методология Аддамс и ее соратниц подразумевала глубокое погружение в контекст, ответственность перед сообществом и отказ от псевдообъективистской позиции наблюдателя «вне пространства и времени». Чан прямо противопоставляет этот подход современной культуре *big data*, которую она характеризует как «гиперотстраненный, бессмысленный контекстом взгляд ниоткуда» (р. 138). Здесь чувствуется отсылка к критике объективистского знания у Донны Харауэй⁷. Работа в Халл-Хаусе, напротив, демонстрировала знание, укорененное в местном опыте и эмпатии, что позволило преобразовать его в реальные реформы, подтверждая правоту тезиса о необходимости «взгляда снизу» при изучении социальных проблем.

Продолжая эту линию, Чан переносит фокус на современные практики «народной цифровой науки», которые черпают вдохновение у своих предшественников-прогрессистов. Так, в книге подробно разобран пример женских и феминистских движений Латинской Америки, использующих данные в борьбе за социальную справедливость. Один из кейсов — создание Национального регистра фемцида в Аргентине силами гражданских активистов (р. 152). В контексте волны насилия против женщин сбор данных о случаях фемцида стал не просто статистической процедурой, а политическим актом: активистки стремились «вернуть

7. Haraway D. (1988). Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective // *Feminist Studies*. Vol. 14. № 3. P. 575–599.

голоса пропавших тел», задокументировав тех жертв, чья судьба замалчивалась официальными отчетами (р. 153). В отличие от корпоративных проектов big data, где во главу угла ставятся масштаб, скорость и прибыль, эти низовые инициативы умышленно отказались от гонки за объемом. Они выбрали кропотливую работу по дополнению государственных данных, чтобы включить туда тех, кто ранее был невидим. Чан подчеркивает, что целью создания этих феминистских датасетов была не оптимизация рынка, а восстановление справедливости и памяти. Это яркий пример того, как «альтернативные данные» бросают вызов господству официальных цифр, возвращая человеческое измерение в статистику.

Таким образом, во второй половине книги прослеживается контраст между двумя парадигмами обращения с данными: одна — евгеническая, хищническая, исходящая от элиты и стремящаяся к контролю и стандартизации, и другая — эмансипаторная, солидарная, идущая от сообщества и ставящая целью социальные перемены. Чан вводит для этой второй парадигмы понятие «плюрализма данных», подразумевая множественность подходов и знаний, которые должны сосуществовать. В пятой главе она показывает, как интерсекциональные и межпоколенческие коалиции противостоят «цифровому апартеиду» через создание собственных баз данных и платформ (р. 180). Эти инициативы формируют своего рода контрархивы, где ценность имеют не абстрактные метрики, а голоса и истории людей, ранее исключенных из учета. Такое переосмысление роли данных находится в русле глобального движения за «справедливость данных»⁸, и Чан удается связать его с длинной исторической линией, начинающейся от тех, кто более века назад отказался следовать «научным» евгеническим нормам.

Завершая книгу, Чан переходит от аналитики к своего рода манифесту сопротивления «хищническим данным». В заключении она еще раз подчеркивает, сколь опасным является забвение исторических уроков. Автор напоминает о недавних тревожных событиях, когда отдельные влиятельные политики открыто воспроизводят риторику расовой ненависти, практически цитируя евгенические лозунги прошлого (р. 192). Эти факты Чан приводит для того, чтобы подчеркнуть: алгоритмические системы коммуникации сегодня не нейтральны, они могут действовать и как усилитель старых идеологий. Если оставить их без внимания, техноэлиты и дальше будут эксплуатировать миф о неизбежности технологического прогресса ради оправдания собственных привилегий. Однако, как показывает автор, история дает и поводы для оптимизма. В разных уголках мира на наших глазах формируются «невозможные миры» — так Чан называет альтернативные сценарии будущего, которые не укладываются в шаблоны, предсказанные алгоритмами (р. 186). Эти «невероятные миры» рождаются усилиями гражданских активистов, ученых, журналистов, требующих прозрачности и этичности в обращении с данными. В финале книги Чан предлагает своеобразный «план действий» для защиты таких миров (р. 194). Она убеждает читателя, что необходимо активно сопротивляться датафикации всего и вся, критически

8. *Зубофф Ш.* (2024). Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара.

пересматривать алгоритмические решения, навязанные корпорациями, и требовать участия общественности в выработке цифровой политики. В духе лучших традиций критической социальной науки, Чан призывает сочетать знание и действие: понимать скрытые связи между big data и биовластью, и на этой основе конструировать подлинно независимое будущее, в котором технологии служат интересам большинства, а не укреплению иерархий.

Оценивая монографию в целом, следует отметить ее несомненные сильные стороны. Прежде всего, работа Чан впечатляет масштабом охвата. Автору удалось соединить воедино, казалось бы, разрозненные области: историю евгеники, социологию науки, анализ цифровых платформ и политическую теорию. Книга богата эмпирическими примерами и подкреплена серьезным источниковедением — от архивных материалов начала XX века до современных примеров из СМИ и отчетов организаций. Каждая аналитическая глава опирается на широкий спектр литературы, причем бросается в глаза интернациональность и инклюзивность библиографии (в ней заметно присутствие работ авторов-женщин, представителей Глобального Юга и др.). Это придает исследованию особую глубину и убедительность. Кроме того, новизна подхода Чан состоит в проведении прямой линии между евгеническим движением и эпохой больших данных — такого рода синтез ранее почти не встречался в социологической литературе. Да, темы алгоритмической дискриминации и цифрового неравенства широко обсуждаются⁹, но именно связь с историей научного расизма и евгенической идеологией раскрыта впервые столь подробно и аргументированно. Автору удалось показать, что проблемы современных технологий — во многом реинкарнация старых социальных вопросов в новом, высокотехнологичном обличье. В этом — большой вклад книги в социологию науки и технологий: она историзирует текущий дискурс о Big Tech, привнося в него критическую память о «темных» главах науки.

Разумеется, при всех своих достоинствах монография не лишена дискуссионных моментов, которые можно отнести к ее условным недостаткам. Некоторые читатели, вероятно, обратят внимание на структурные особенности изложения. Так, стремление автора охватить сразу несколько эпох и географических контекстов привело к тому, что повествование порой «прыгает» во времени, соотнося разные примеры вне хронологического порядка. Такой подход вполне оправдан исследовательской задачей, но требует от читателя внимательности — переходы от викторианской Англии к Кремниевой долине XXI века осуществляются быстро, и не всегда сразу очевидна связь между ними. Другой возможный предмет спора — ширина трактовки понятия евгеники. Автор относит к проявлениям «техноевгеники» довольно широкий круг явлений: от биометрического надзора до антисоциальных высказываний IT-миллиардеров. Консервативно настроенный критик мог бы упрекнуть ее в чрезмерно радикальном расширении термина. Однако Чан убедительно показывает, что во всех приведенных ею примерах прослеживается

---

9. См., например: *Benjamin R.* (2019). *Op. cit.*; *Noble S.U.* (2018). *Op. cit.*

общий лейтмотив — стремление выделить и укрепить «лучших» за счет «лишних», что и составляет сердцевину евгенического проекта. Тем не менее было бы интересно увидеть в будущем более детализированное исследование отдельных сюжетов, лишь очерченных в книге. Например, неплохо было бы рассмотреть, как логика «хищнических данных» проявляется в недемократических режимах. Чан фокусируется преимущественно на англосаксонском материале, лишь эпизодически упоминая Латинскую Америку и Глобальный Юг, — возможно, из-за этого некоторые параллели с не-западными реалиями остаются за кадром. Однако подобный фокус объясним рамками исследования и не умаляет общую ценность работы. Скорее, он открывает пространство для дальнейших исследований другими учеными, вдохновленным подходом Чан.

Подводя итог, монографию Аниты Сэй Чан можно с уверенностью назвать заметным событием в современной социологии науки и технологий. Книга не только выявляет пугающую преемственность между вчерашними псевдонаучными теориями и сегодняшними цифровыми практиками, но и вселяет надежду на изменение ситуации. Чан сумела показать, что «нейтральные» данные и алгоритмы нередко служат, по сути, тем же целям, что и евгенические регистры столетней давности — закреплению неравенства и иерархии. Однако автор также продемонстрировала и наличие альтернатив — от исторических прецедентов солидарного сбора данных до современных движений за цифровую справедливость. Для специалистов в области социологии, особенно интересующихся цифровой политикой, визуальной культурой науки и критическими исследованиями данных, эта книга предложит богатый фактический материал и оригинальные аналитические оптики. Монография стимулирует читателя задуматься о моральных основаниях цифровой эпохи и напоминает научному сообществу о его ответственности: критически переосмыслить не только будущие, но и прошлые «утопии» науки, чьи «тени» по-прежнему с нами. Хочется надеяться, что работа Аниты Сэй Чан станет отправной точкой для новых исследований и дискуссий — как в зарубежной, так и в отечественной социологии — посвященных темным сторонам Data Science.

Digital Eugenics under the Guise of Neutral Data

Book review: Chan A.S. (2025) *Predatory Data: Eugenics in Big Tech and Our Fight for an Independent Future*, Oakland: University of California Press. — 262 p. ISBN 978-0520402843

Dmitriy Belyaev

DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Political Science and Theology
Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky
Address: Lenin str., 42, bldg. 2, Lipetsk, 398020 Russian Federation.
E-mail: dm.a.belyaev@gmail.com